

Е.С. Соболева

ЮГО-ЗАПАДНАЯ АЗИЯ КАК ЭТНОГРАФИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО НА РУБЕЖЕ XIX–XX ВЕКОВ

На рубеже XIX–XX веков дирекция Музея антропологии и этнографии (далее — МАЭ) целенаправленно налаживала и расширяла систему приобретения коллекций. Зарубежные собиратели и дилеры предлагали музеям разных стран покупать у них коллекции. Императорская Академия наук (далее — ИАН) приняла некоторые из этих предложений. МАЭ удалось таким способом пополнить коллекции по народам Америки, Африки, Юго-Восточной Азии. Российским собирателям сотрудники МАЭ давали задания и поручения, указывая, какие именно вещи были бы особенно желательны. После создания Музея Императора Александра III МАЭ разрешалось приобретать коллекции только за пределами Европейской части России, поэтому основное внимание обращалось на азиатские и северные регионы [СПФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918 г.). Ед.хр. 55. Л. 15–19 об.].

Академик В.В. Радлов докладывал 3 января 1898 г. Историко-Филологическому отделению (далее — ИФО) ИАН, что «целые громадные области, как Кавказ и Средняя Азия, не представлены в нашем Музее; нет коллекций из многих внутренних губерний». [СПФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918 г.). Ед.хр. 53. Л. 9]. Он постоянно твердил о необходимости развить полевые исследования, но до 1907 г. самостоятельных экспедиций МАЭ организовать не мог.

Более успешно велись археологические исследования. Так, 18 июня 1895 г. ИФО ИАН рассмотрело предлагаемые меры по сохранению памятников в Туркестане, добилось согласия Археологической Комиссии на экспедиции [СПБФА. РАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918 г.). Ед. хр. 51. Л. 15].

Этнографические же коллекции МАЭ получал от разных лиц, отправлявшихся по работе в Монголию, Среднюю Азию, Китай. Для транспортировки этих коллекций, собранных купцами, военными, врачами, учеными и другими специалистами, МАЭ добивался льгот и особых условий приема пакетов и посылок.

Показательно одно из ранних писем (9 декабря 1899 г.) ст. этнографа Музея Д. Клеменца Его Высочородию г-ну Самаркандскому уездно-

му врачу Константину Евгеньевичу Островских, который осуществлял сбор коллекций в поле, но не определил условий сотрудничества, и МАЭ не мог выдать ему денежный аванс:

«Наиболее удобный для Музея способ Вашего сотрудничества был бы такой: получение коллекций, собранных Вами, и уплата по представленному Вами счету их стоимости. Пересылка вещей может проводиться почтою в посылках весом не более пуда. Таковые, на основании Устава ИАН и § 60-го почтовых правил, должны быть принимаемы бесплатно.

Музей интересуется, прежде всего, домашней обстановкой, промыслами и занятиями населения. Все самодельное ценно для нас, все покупное и привозное имеет мало значения. Дорогих изданий Музей приобретать не имеет средств; нам доступно только повседневное.

Желательно было бы иметь орудия земледелия местной работы, изделия из кожи, образцы тканей. Справьтесь, сколько могут стоить ткацкие для тканей и ковров, пряжи для выпрядения ниток бумажных и шерстяных, красильные вещества.

Очень интересны были бы сартовские колыбели: нет ли разницы в устройстве колыбелей между разными народами. Важны очень детские игрушки и игры взрослых. Еще большее значение могли иметь принадлежности дервиша.

Из деревянных поделок могут быть удобны только негромоздкие вещи, важнее других между прочим производство горшочков. Равным образом, конечно, имеет большое значение одежда, особенно женская и детская.

В Туркестанском крае теперь немало фотографов. Вы чрезвычайно обяжали бы Музей, если узнали, от кого можно приобрести более или менее полные коллекции типов и сцен местных жителей и по каким ценам» [СПФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918 г.). Ед.хр. 52. Л. 83–86].

Очень редко МАЭ удавалось воспользоваться услугами лиц, отправлявшихся в районы Юго-Западной и Южной Азии. По решению ИФО ИАН 27 ноября 1902 г. был выдан Открытый лист Георгию Николаевичу Клименко, командированному в Афганистан [СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а — 1902. Ед.хр. 149. Л. 319 об.].

4 февраля 1904 г. драгоман Императорской Российской миссии в Тегеране А.Р. Барановский прислал в дар МАЭ сапоги и чулки для хожде-

ния по болотам и лесам. Это один из редких экспонатов по культуре талышей Прикаспийской провинции Персии [СПФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918 г.). Ед.хр. 51. Л. 180].

По решению ИФО ИАН в МАЭ были переданы дары приват-доцента Санкт-Петербургского университета А.С. Щепотьева — два лубочных индийских образа, приобретенных им в Мадуре в апреле 1908 г. [СПФ АРАН. Ф. 1, оп. 1а — 1908, е.х. 155. Л. 392об.]

21 марта 1909 г. Открытый лист МАЭ был выдан студенту К.И. Бобровницкому: «Студент Арабист-Восточник Константин Иннокентьевич Бобровницкий едет в Сирию (Бейрут, Дамаск) и Палестину (Иерусалим). Имеет целью лингвистические и этнографические исследования» [СПФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918 г.). Ед.хр. 59. Л. 26].

Создание Попечительного совета при МАЭ в 1909 г. позволило развернуть сборы коллекций в более широком масштабе. Практические все экспедиции и отдельные путешественники, обращавшиеся в МАЭ, получали небольшую сумму на покупку коллекций. Если результаты были убедительными, то МАЭ мог выдать собирателю Открытый лист для проведения полевых этнографических и фольклористических работ, написать рекомендательные письма местным властям и добиться льготного проезда по железной дороге и на судах Добровольного флота.

Весной 1912 г. МАЭ начал переписку с М.С. Андреевым, который уже длительное время находился в Индии и собирал коллекции для МАЭ «по быту и культуре» [Кисляков, Краснодембская, Соболева 2009].

В том же году стали поступать экспонаты из Персии. Владимир Алексеевич Иванов писал 10 декабря 1912 г. из г. Бирдженд (Birjand, Persia), что Управляющий Учетно-ссудным банком Персии в Тегеране В.В. Красовский «просил <...> передать Вам прилагаемые фотографии. Он очень извиняется за их качество, но это зависит больше всего от здешнего климата — и от жары — бумага очень быстро портится. В ближайший раз, быть может, пришлю еще счет: 313 ½ кран = 17,5 коп.» [СПФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — 1918. Ед.хр. 65. Л. 23–25 об.]

Эти деньги, по ходатайству В.В. Радлова, были выплачены г-ну В.А. Иванову (Персия, Hamadan, Banque d'Escompte de Perse, Mr. W. Ivanov) — из сумм, ассигнованных на МАЭ. «467 персидских кран 7 сенар в возмещение расходов на приобретение предметов быта и культа Персии» [СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а — 1913. Ед.хр. 160. 8.05.1913. Л. 382 об.] Ассигновка № 877 от на 85 руб. 26 июня 1913 г. была перечислена В.А. Иванову [СПФ АРАН. Ф. 4. Оп. 2 (1913). Ед.хр. 26. Л. 173].

27 июня 1914 г. В.А. Иванов вновь предложил свои услуги МАЭ:

«Милостивый Государь! Из Персии мне пришлось совершить большое путешествие через Месопотамию и Персидский залив в Индию. Я теперь нахожусь в Калькутте, где я думаю побыть несколько месяцев. А потому я опять хочу предложить свои услуги, по примеру прошлых лет, в качестве коллектора.

Разумеется, прошу точно указать, если Вам интересны такие коллекции, — что именно собирать — Индия так громадна, так подавляет своей бесконечной множественностью, что до некоторой степени трудно ориентироваться здесь.

Конечно, редкостей здесь найти трудно — ведь сказывается английское правительство. Но «быт», ежедневный, очень богат и доступен.

Если Вы мне хотите это поручить, то я на этот раз буду просить об авансе: здесь я не на месте своей службы, как было в Персии, а странствую, а потому у меня свободных денег не имеется. Высылайте через Русско-Азиатский Банк почтой на Генеральное Консульство в Калькутте, но для передачи мне, в английских фунтах, и притом имейте в виду, что письмо идет три недели в один конец.

Я сам вероятно буду осенью в Петербурге и постараюсь выяснить всё то, что будет не совсем ясно в письмах.

В.А. Иванов». [СПФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918 г.). Ед.хр. 67. Л. 105–106].

Но ИФО ИАН вынуждено было отказаться от услуг Владимира Алексеевича Иванова, поскольку в Индию на два года были отправлены Мерварты.

7 декабря 1912 г. Открытый лист МАЭ был выдан гвардии полковнику в отставке Ивану Николаевичу Иникову на о. Цейлон и в Индию для собирания этнографических предметов [СПФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1 (до 1918 г.). Ед.хр. 63. Л. 337].

10 апреля 1913 г. Открытый лист МАЭ получил студент Психоневрологического института Сергей Вениаминович Гейман, отправлявшийся в Индию для собирания этнографических предметов в составе группы студентов [СПФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918 г.). Ед.хр. 63. Л. 466. № 142].

В 1913 г. к сбору коллекций для МАЭ в Персии приступил А.А. Ромаскевич. Приведем текст его письма.

«11 января 1913 г. Исфаган (Джульфа́). Многоуважаемый Лев Яковлевич!

Простите, что я беспокою Вас своим письмом, но так как мое письмо касается исключительно музея, то я решил кое о чем написать Вам и кое-что просить исполнить. Согласно данным Вами инструкциям, я по приезде в Тегеран, наряду со своими специальными заданиями, не упускал случая заглянуть в малознакомую для меня пока область этнографии; но ограничился пока покупкой талисманов — предметов, на кот[орые] европ[ейский] антикварий, имеющий в Тегеране своих агентов, не обращает внимания; что касается прочего, напр[имер], посуды, то вышеупомянутые антикварианты до того вздули цены и избаловали персов, что подступиться трудно. Кроме того, Тегеран, как столица, более или менее за последнее время оевропился, т.е. потерял кое-что из своей персид[ской] самобытности. В ноябре мес[яце] прошлого года я перебрался в след[ующий] из намечен[ных] мною пунктов пребывания в Персии — Исфаган. Здесь условия иные: малый сравнит[ельно] спрос поэтому и цены довольно низкие, персидская мода еще не улетучилась, так что для собирания предметов персид[ского] обихода открылось широкое поле, чем я и воспользовался, продолжая пополнять коллекцию талисманов, занялся собиранием образчиков посуды персид[ского] производства и собиранием коллекции игрушек. Пока остановился на этом, хотя недавно приобрел полный комплект костюма персидской женщины. Но тут заметил, что отпускаемых нашим министерством на мою долю сумм едва ли хватит на это дело, поэтому я просил Вас, если к этому представится возможность, исколотать откуда следует на мою долю, т.е. на долю персид[ского] отдела Музея, некоторую сумму денег — чем больше, тем лучше. Очень просил бы исполнить мою просьбу, т.к. не хотел бы бросать начатого дела, тем более что и сам сильно заинтересовался этим делом. Что касается фотограф[ических] снимков, то в Тегеране я скупил все открытые письма и снимки, какие только были налицо, аппарат же Музея пустил в дело здесь, в Исфагане, предварительно скупив у местных фотографов все подходящие для нас снимки.

В Тегеране справился о судьбе моего ящика с музыкальными инструментами — увы, исчезли всякие следы, т.к. почтовая книга, в кот[орой] он должен был быть записан, каждые два года подвергается сожжению, а с тех пор прошел уже четвертый год, так что я опять приступил к покупке муз[ыкальных] инструментов, приобрел

ретья что-то вроде персид[ской] лиры или цитры. На этот раз, надо надеяться, вещи дойдут до Петербурга, т.к. в нашей Миссии в Тегеране теперь более внимат[ельно] относятся к почте, напр[имер], отправленные мною в библиотеку университета книги и рукописи дошли до места назначения.

Месяца через два или больше предполагаю выступить из Исфагана дальше на юг Персии, так что просил бы, если можно, не замедлить ответом, т.к. почта между Исфаганом и Петербургом идет около месяца. Если моя просьба будет услышана, то деньги надо перевести через Правление Учетно-ссудного банка Персии (в здании Гос. Банка). Адрес мой: Исфаган — Персия. Isfahan — Perse, Consulat Général de Russie, A.A. Romaskewitch.

Уважающий и преданный Александр Александрович Ромаскевич» [СПФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — 1918 г. Ед.хр. 65. Л. 38–41 об.]

В.В. Радлов докладывал ИФО ИАН 29 января 1914 г., что

«командированный факультетом восточных языков С.-Петербургского университета г. Ромаскевичем по поручению Музея была собрана и доставлена ценная коллекция по быту и культу Персии. Ввиду продолжения командировки г. Ромаскевича для Музея было бы весьма полезно поручить г. Ромаскевичу сделать необходимые для персидского отдела приобретения, почему прошу Отделение об ассигновании 200 р. для высылки г-ну Ромаскевичу» [СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1 а — 1914. Ед.хр. 161. Л. 388 об.].

О положительном ответе писал сотрудник МАЭ А.И. Иванов 24 февраля 1914 г.:

«Многоуважаемый Александр Александрович Ромаскевич, пользуясь тем, что Ваша командировка продолжена, Музей высылает Вам 200 руб. Было бы желательно, если Вы продолжите сборы. <...> Желательны цельные коллекции, характерные для данной местности» [СПФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918 г.). Ед.хр. 66. Л. 267].

Деньги (21 ф. ст. 2 шил. 5 пенсов) из сумм МАЭ были переведены в Императорское Российское консульство в Исфаган 23 февраля 1914 г. [СПФ АРАН. Ф. 4. Оп. 2 (1914). Ед.хр. 26. Л. 56].

В 1913 г. Императорское Консульство прислало в Археологический музей ИАН две старинные монеты из развалин близ Исфагана с прось-

бой сообщить, к какой эпохе они принадлежат, ценные ли, и принять в дар [СПФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918 г.). Ед.хр. 64. Л. 232].

Таким образом, усилиями ученых и специалистов отдел культурных стран Азии с 1889 по 1913 гг. увеличился на 334 коллекции, 9897 пр. (7634 — быт, 2263 — культ). [Императорская... 1917: 266]. В 1909 г. В.В. Радлов просил увеличить штат МАЭ, выделив ставку одного специалиста по культурным странам Азии [СПФ АРАН. Ф. 6. Оп. 1. Ед.хр. 31. Л. 90 об.]. На фоне постоянно росшего притока вещей с Востока число вещей с Юга Азии в МАЭ было сравнительно невелико. Понятия Южной и Юго-Западной Азии в документах МАЭ указанного периода не употреблялись. Но указанные выше коллекции немедленно были введены в научный оборот, выставлены на новой экспозиции и включены в «Каталог отдельных культурных стран Азии» (буддизм, Монголия, буряты, Япония, Китай, Индо-Китай, Персия, Восточный Туркестан), составленный проф. А.И. Ивановым в 1914 г.

Библиография

Императорская Академия наук 1889–1914. II. Материалы для истории академических учреждений за 1889–1914 гг. Петроград, 1917. Ч. 1.

Кисляков В.Н., Краснодембская Н.Г., Соболева Е.С. М.С. Андреев как пионер формирования методики научно-собирательской деятельности МАЭ (по материалам восточных коллекций МАЭ РАН и архива РАН) // Полевые этнографические исследования: М-лы Восьмых Санкт-Петербургских этнографических чтений. СПб., 2009. С. 335–340.